

Кузеванов Л.И. *Методология истории: академизм и постмодернизм.*
 М.: НЭИ «Российская историография», 2012. 259 с.

Человек не должен всегда быть в мундире своих мнений. Он должен быть внутренне свободным и, если это необходимо, не стыдиться отказываться от своих старых суждений.

Д.С. Лихачев¹

Методологическая ситуация в современной отечественной науке, сложившаяся на стыке XX и XXI вв., такова, что постмодернизм, для которого в сфере понимания и осуществления историко-научного познания характерно разочарование в глобальных историко-теоретических построениях², стал реальностью. Даже появились такие категории, как «ситуация постмодерна», «постмодернистский вызов в историографии».

Это обусловлено в том числе тем, что постмодернизм отходит от понимания истории как линейного процесса. Доминирует понимание истории как вариативного явления. Вариативность истории соотносится со множественностью интерпретаций исторических явлений и фактов. Не случайно Л. Хатчеон рассматривает современную постмодернистскую прозу как единство художественного, историографического и теоретического дискурса. Постмодернистское художественное произведение представляет прошлое как некий дискурс, в котором стоит вопрос не о нахождении истины, а скорее о точке зрения того времени³. В то же время у постмодернистов в их исторических представлениях, по меткой характеристике Г. Померанца, «господствует незнание и нежелание знать, куда движется человеческое общество»⁴. Одновременно отрицается роль эмоционального и субъективно-личностного в познании.

Изложенное выше способствовало тому, чтобы в российском научно-историческом сообществе развернулась оживленная дискуссия с элементами полемики⁵. И, видимо, будет правильным полагать, что рецензируемая монография Л.И. Кузеванова, посвященная критическому рассмотрению постмодернистской методологии исторического исследования, главным образом, на материале работ российских специалистов в области отечественной истории, опубликованных в постсоветский период, является одним из ее проявлений.

Л.И. Кузеванов утверждает, что в последние десятилетия среди российских историков получили широкое распространение идеалистические, главным образом постмодернистские методологии, использование которых, в свою очередь, ведет к появлению нового иллюзорного исторического знания [6]⁶. Утверждение довольно безапелляционное, в чем-то даже жесткое по литературному стилю. Но это, видимо, личный исследовательский стиль ученого. Причем он не

просто утверждает свой тезис, изложенный выше, но и, судя по текстологическому анализу его монографии, пытается аргументировать его. Так, по мнению автора рецензируемой монографии, к основным чертам постмодернистской методологии истории относятся «ложные аналогии, «историческая проза» и подмена гипотезы необоснованной догадкой» [58], «абсолютизация локального, единичного» [63], «подмена исследовательских тем и отождествление последовательности исторических событий с их причинностью» [77], «конструирование» фактов-связей и подмена понятия «исторический источник» термином «текст» [101], «подмена принципа историзма принципом «самоорганизации» [107], а также «политизированное «конструирование» прошлого» [152].

Как видно, недостатки постмодернистской методологии истории вскрыты относительно четко. Правда, кое-что уже фигурировало и ранее в современной историографии или по крайней мере является близким, созвучным. Так, В.Я. Ефремов пишет, что есть «рациональное зерно в настороженном отношении постмодернистов к эмоциональному и субъективно-личностному аспектам процесса познания»⁷.

В качестве же одной из возможных альтернатив постмодернистской методологии истории автор рецензируемой монографии предлагает свою парадигму исторического познания, обозначаемую им термином «академизм». В книге указывается, что «современное российское сообщество профессиональных историков нуждается в выработке новых познавательных парадигм. Необходимость в подобном рода теоретических разработках вызвана, прежде всего, широким распространением в современной России *идеалистических* (курсив наш. – Т.Ф., Г.И.) методологий познания, ориентирующих ученых на бесплодные поиски и создающих дополнительные трудности в исследовательской деятельности» [5]. При этом в качестве иллюстрации к сказанному почему-то приводится утверждение отечественного философа В.В. Миронова, согласно мнению которого «философ ищет в тексте новые смыслы, более того, он вправе допустить такую интерпретацию (крамольную лишь с позиции историка философии), которая может даже исказить изначальный смысл текста, так как его значение сопрягается с личной рефлексией философа над сегодняшним бытием» [5].

Действительно, одной из задач философии является синтез новых понятий⁸, который в ряде случаев осуществляется посредством своеобразных концептуальных мутаций, т.е. отклонений от «правильного» воспроизведения соответствующих смыслов, генерируемых в сознании философа в процессе авторского осмысления соответствующих оригинальных текстов. Аналогичным образом мутационный фон, согласно современным биологическим представлениям, является необходимым условием продолжения биологической эволюции, даже с учетом того, что подавляющая часть этих мутаций — патологии, которые не получают своего эволюционного продолжения, равно как большая часть новых смыслов, генерируемых философствующими по ходу прочтения классических философских текстов. При этом, однако, следует учитывать, что у философии своя методология, а у истории — своя. По этой причине то, что вполне допустимо для философа, недопустимо для историка, на что, кстати, и указывает В.В. Миронов. Да и не только он⁹.

Вернемся, однако, к развиваемой автором рецензируемой монографии концепции академизма. Исходное положение означенной парадигмы, по Л.И. Кузеванову, заключается в убеждении, что «исследовательская деятельность современных российских профессиональных историков и методологов основывается на безусловном признании реальности, существующей независимо от человека» [10]. Здесь узнается одна из ключевых формул марксистско-ленинской методологии, постулирующей существование материи как «объективной реальности, данной нам в ощущении». Соответственно «термин «истина» в *общепринятом* (курсив наш. — Т.Ф., Г.И.) смысле означает «адекватное (т.е. «вполне соответствующее, совпадающее, тождественное») отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно» [10-11]. Здесь под общепринятым смыслом следует понимать смысл, вкладываемый в понятие «истина» «ленинской теорией отражения», в свою очередь восходящей к аристотелевской теории истины.

Не вдаваясь в обсуждение адекватности философских оснований авторской парадигмы академизма, можно лишь констатировать дальнейшее концептуальное движение авторской мысли в том же постмарксистском русле, в данном случае по пути «диалектики абсолютной и относительной истины», достаточно убедительно развитой в работах одного из классиков советской марксистской гносеологии П.В. Копнина¹⁰. Действительно, ни одно научное исследование не может претендовать на «истину в последней инстанции». Более того, многие результаты, ранее считавшиеся научным сообществом истинными, фальсифицируются вследствие обнаружения новых эмпирических данных в ходе научных революций, ниспровергающих прежние академические авторитеты.

Прекрасно осознавая это, Л.И. Кузеванов предлагает собственный вариант обоснования научного знания, носящий, по крайней мере с его точки зрения, универсальный характер, т.е. эффективный не только в рамках исторического исследования, но и для любого научного исследования вообще. Он почему-то именуется его *верификацией* [15]. В «общепринятом», т.е. позитивистском прочтении данного термина последний означает всего лишь подтверждение соответствующей теории опытными данными¹¹. Причем еще Карл Гемпель показал, что верификации поддаются лишь бескванторные суждения («Москва — столица России») и суждения, содержащие квантор существования («Существуют голубые розы»), которые, кстати, не могут быть *фальсифицированы*, т.е. опровергнуты опытным путем. Напротив, суждения, содержащие квантор общности («Все вороны — черные»), не могут быть верифицированы, зато могут быть фальсифицированы. Последнее, как известно, позволило К.Р. Попперу сформулировать концепцию фальсификационизма, а затем — фаллибилизма¹².

Так или иначе, Л.И. Кузеванов справедливо констатирует, что «получив новое знание, исследователь самостоятельно не может присвоить ему статус «научного». В его силах лишь закрепить приоритет путем публикации результатов своих изысканий. ... Для того чтобы получить статус «научного», новое знание должно пройти процедуру проверки на достоверность в рамках действующего экспертного («научного») сообщества. Существует довольно много форм такой проверки: защита диссертации в специализированном¹⁵ ученом совете на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук, одобрение (или критика) результатов исследования в профессионально направленной печати, на различного рода форумах ученых, получение премий и грантов за проведенные исследования и т.п.» [12].

Вот как! Согласно автору монографии процедура верификации сводится к получению соответствующего одобрительного вердикта со стороны экспертного («научного») сообщества. При этом Л.И. Кузеванов, конечно же, сознает, что мнение «экспертов» не является «истиной» в последней инстанции. Поэтому он уточняет, что «после успешной верификации академическое знание-мнение получает статус знания «доказанного», но только в рамках действующего профессионального экспертного сообщества и в соответствии с его критериями достоверности» [15].

Таким образом, мы приходим к парадоксальному выводу: истинно то, что признано таковым профессиональным экспертным сообществом. Правда, у другого экспертного сообщества могут быть другие соображения по поводу истинности соответствующего исследования. При этом автор, с одной стороны, отвергает родство своей концепции с «эпистемологическим релятивиз-

мом» [16], признающим равноправность всех возможных точек зрения на соответствующую проблему, но, с другой стороны, утверждает, что, несмотря на свою очевидную погрешимость академическое знание, не претендуя «на *адекватное* (курсив наш. – Т.Ф., Г.И.) (т.е. полное, точное) постижение объективной действительности», имеет «большую степень достоверности по сравнению с другими видами знания о реальном мире» [14].

Приведенные выше фрагменты позволяют сделать вывод о том, что предлагаемая автором рецензируемой монографии альтернатива постмодернистской методологии истории носит исключительно *конвенционалистский* характер: истинно то, что признается таковым соответствующим экспертным сообществом. При этом профаны и неспециалисты должны *верить* в то, что суждения экспертов обладают большей степенью достоверности, нежели суждения дилетантов.

Обратимся теперь к критике Л.И. Кузевановым постмодернистской методологии истории, занимающей большую часть монографии и подробно иллюстрируемой обсуждением работ отечественных историков постсоветского периода, использующих определенные постмодернистские стратегии исследования. По мнению автора, «постмодернизм сводит «опыт к тексту», «реальность к языку», «историю к литературе», «размывает границу между фактом и вымыслом», утверждает, что «не существует ничего вне текста», что «нет никакой внеязыковой реальности» [51]. В частности, исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев обвиняются автором в том, что они подменяют рациональную реконструкцию последовательности исторических событий их произвольным «конструированием» [53]. Автор выступает также против постмодернистского соединения методов исторического и художественного познания, пропагандируемого Г.С. Кнабе, Л.П. Репиной, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой [54], против представления Л.В. Лескова о том, что настоящее определяется не прошлым, а будущим [56]. И далее в монографии размещены критические замечания с подробным анализом работ отечественных историков постмодернистской и либеральной направленности еще на ста страницах.

Следует согласиться с тем, что большая часть критических замечаний автора в адрес своих коллег представляется вполне обоснованной и корректной. Правда, с некоторыми замечаниями рецензенты не могут согласиться, что вполне нормально для любой научной дискуссии. Например, режет слух замечание автора о том, что «синергетика изучает «эволюцию и самоорганизацию систем открытого типа с нелинейными обратными связями». Эта отрасль знания возникла в «русле развития естественно-научных дисциплин». Но *почему-то (!)* (курсив наш. – Т.Ф., Г.И.) считается, что она «оказалась плодотворной при исследовании также социальных проблем»

[55]. Однако зря Л.И. Кузеванов пишет «почему-то». Дело в том, что в современной отечественной историографии убедительно доказано: синергетический подход вполне приемлем в исторической науке¹⁴. Разумеется, в комплексе с другими подходами.

В ряде случаев автор проявляет определенную непоследовательность в своих рассуждениях, что дает повод упрекать его в том же самом, в чем он упрекает своих постмодернистских коллег. Например, обвиняя постмодернистов в «политизированном «конструировании» прошлого», автор в своих рассуждениях предельно политкорректен по отношению к современности. «Если в советское время достижения дореволюционных историков принижались по указке руководящих органов коммунистической партии, – замечает он, – то в настоящее время принижение реальных достижений советских исследователей происходит, главным образом, по инициативе *отдельных групп ученых*» (курсив наш. – Т.Ф., Г.И.).

Рецензентам же представляется, что не только отдельные группы ученых по своей инициативе принижают реальные достижения советских исследователей. Такие, конечно, имеются. Ведь политическая конъюнктура была, есть и будет вне зависимости от политического режима, правящего в стране. Но нельзя отрицать очевидного: существует и политический заказ определенных политических сил, стоящих на антикоммунистических, антисоветских позициях, который инициирует отдельные группы ученых к негативной оценке исторических реконструкций, осуществленных советскими историками, ибо они явно не вписываются в идеологию ныне власть имущих. Попробуйте, например, в автореферате кандидатской диссертации обозначить, что соискатель руководствовался в том числе и классовым подходом к оценке событий и явлений, и вероятность проблем с защитой резко возрастет. Хотя классовый подход к оценке событий и явлений никто не отменял, о чем очень хорошо сказал академик РАН Ю.А. Поляков: «Конечно, марксисты преувеличивали значение классовой борьбы, но она существовала и существует. Теперь она приняла другие формы. Все признают, как опасен для России тот огромный разрыв в доходах и состояниях, который существует сейчас в стране. Для общества крайне тяжела ситуация, когда есть миллиардеры, купающиеся в роскоши, и пенсионеры, роющиеся в мусорных ящиках»¹⁵.

Не вдаваясь в подобные частности, хотелось бы остановиться на позитивной в целом интенции рецензируемой монографии. Критикуя исторические изыскания доктора филологических наук В.С. Вахрушева, автор замечает, что «он (Вахрушев. – Т.Ф., Г.И.) не говорит, что, не будучи профессиональным историком, он сделает все, чтобы освоить хотя бы университетский курс истории, историографию, соответствующие методологию, методы и приемы и т.д. Нет, Вах-

рушев открыто провозглашает **возможность успешного исследования истории без специальной подготовки** (курсив наш. – Т.Ф., Г.И.). При этом он снова вводит в заблуждение читателей, заявляя, что «такой подход к прошлому и настоящему человечества давно уже вошел в арсенал человеческой мысли»[104].

В эпоху активного вытеснения дисциплинарных исследований проблемно-ориентированными и междисциплинарными, в эпоху Интернета и «Википедии», с которой, кстати, пытается полемизировать Л.И. Кузеванов [105], наблюдаются проявления «клипового сознания»¹⁶. И тогда дилетанты и полузайки при помощи той же «Википедии» смело берутся за решение сложных научных проблем, экспертные академические сообщества профессионалов испытывают очень сильное давление извне, которое в России с начала 90-х годов XX века приобретает катастрофический характер, поскольку имитаторы творчества, графоманы и профаны постепенно начинают доминировать во всех сферах жизни, проникая в экспертные сообщества **изнутри**, проходя все этапы рекомендованной автором процедуры верификации.

В этом плане вполне понятно желание истинных профессионалов защитить свое поле деятельности от нашествия предприимчивых «дикарей», воспитанных Интернетом и ЕГЭ, а также от своих коллег типа В.С. Вахрушева, беспардонно нарушающих конвенцию о дисциплинарных границах. Отсюда и идея академизма, которую автор рецензируемой монографии столь резко противопоставил постмодернистским концептуальным построениям.

И в таком резком, иногда даже чересчур, противопоставлении есть свой резон. Быть может, это заставит задуматься деятелей из наших властных структур, почему сегодня в таком почете имитаторы научного творчества – борцы за пресловутый индекс Хирша, готовые публиковать что угодно и где угодно (благо, киберпространство безгранично); почему сегодня стала не просто нормой деятельности экспертных сообществ, а требованием публикационной активности, независимо от того, обладает ли соответствующий ученый достойными обнародования результатами или нет. Нам представляется, что только кардинальное изменение государственной политики способно что-то исправить в отечественной науке. Сами экспертные сообщества, сильно разбавленные «пришельцами», вряд ли способны что-то сделать в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лихачев Д. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л., 1989. С.156.
- ² См., напр.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Крамочкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007;

Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна = La condition postmoderne / Шмако Н.А. (пер. с фр.) СПб., 1998; Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.12-24; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2004; Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып.7. М., 2001 С.8-26; и др.

³ Hutcheon L.A. Poetics of Postmodernism. History, Theory, Fiction. London; N.Y.: Routledge, 1989.

⁴ Померанц Г. Авангардизм, модернизм, постмодернизм // Опыты: литературно-художественный, научно-образовательный журнал. 2000. №3. С.113.

⁵ См., напр.: Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1995. С.25-37; Медведев А.П. «Постмодернистский вызов» истории: ответ археологии // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. Воронеж, 2007. №1. С.41-51; Кравцов В.Н. Российская историография постмодернизма // Россия в новое время: единство и многообразие исторического развития: материалы рос. межвуз. науч. конф. М., 2000. С.229-232; Гусева Н.С. Проблема объективности и достоверности исторического познания: конструктивистские гипотезы и философия постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. №7 (21). В 3-х ч. Ч.1; и др.

⁶ Здесь и далее так обозначаются номера страниц рецензируемой монографии. – Т.Ф., Г.И.

⁷ Ефремов В.Я. Деятельность властных структур по укреплению морального духа вооруженных сил советского государства (1918-1991 гг.): историографическое исследование. Самара, 2007.С.39.

⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина М.- СПб., 1998.

⁹ См., напр.: Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1974; Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход М., 1982; и др.

¹⁰ См., напр.: Проблемы диалектики как логики и теории познания (Избранные философские работы). М., 1982.

¹¹ Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.

¹² См., напр.: Поннер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. / Пер. с англ. Д.Г. Лахути. М., 2002.

¹³ Неужели Л.И. Кузеванов не в курсе, что уже давно в России функционируют не специализированные, а диссертационные советы? – Т.Ф., Г.И.

¹⁴ См., напр.: Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. №4; Бородкин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история, 2003. №2; Коротаев А.В., Малков С.Ю. История и синергетика. Методология исследования. Сер. «Синергетика в гуманитарных науках». М., 2005; Ипполитов Г.М. К вопросу о синергетическом подходе в исторических и историографических исследованиях

// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т.12 (23). №2 (34); и др.

¹⁵ «Безнравственно так цепляться за власть». Доступ из локальной сети сайта «ПОЛИТ. РУ». Системные

требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://polit.ru/article/2009/01/14/polyakov1> (дата обращения: 08.10.2017).

¹⁶ См.: Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М., 2016.

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики
(г. Самара)*

Т.В. Филатов

*Доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник*

*Поволжского филиала
Института российской истории
Российской академии наук,
академик Академии военных наук*

Г.М. Ипполитов